

Мать Чэнь подошла к кабинету одиннадцатого класса и замерла у окна, с нежностью глядя на Хэ Юя. В этот миг она была воплощением материнской любви.

Хэ Юй, сидевший на последней парте, заметил её и, ничуть не заботясь о том, что идёт время самоподготовки, сразу вышел из класса. На лице матери заиграла заискивающая улыбка.

— Сяо Юй, все формальности улажены. Чэнь Хэсун сейчас собирает вещи и скоро спустится, чтобы составить тебе компанию.

— Отлично, — Хэ Юй улыбнулся. — Спасибо, мам.

До этого он всегда называл её лишь «тётей». Внезапное «мам» настолько ошеломило женщину, что она просияла, и восторг едва не выплеснулся через край.

— Главное, чтобы ты был доволен. Мы с отцом на всё готовы, лишь бы ты прилежно учился.

— Угу.

— Тебе ведь в будущем предстоит унаследовать корпорацию. Сейчас налегай на знания, чтобы позже разделить ношу с отцом. И... не забывай впредь, как добры к тебе были я и брат.

— Да-да, — небрежно бросил Хэ Юй, отворачиваясь к лестнице.

Там как раз показался Чэнь Хэсун, тащивший свою парту и стул. Учебников было слишком много, поэтому Чжу Цинчэнь помогал ему, неся часть стопок. Хэ Юй скрестил руки на груди, и на его лице расцвела торжествующая ухмылка.

— О, брат, пришёл?

— Да, — отозвался тот.

Юноша занёс мебель в класс и поставил её рядом с местом Хэ Юя. Младший принял книги из рук Чжу Цинчэня и передал их брату. Глядя на эту идиллическую картину «братской любви и сыновней почтительности», мать Чэнь почувствовала глубокое удовлетворение. Даже Чжу Цинчэнь в этот миг показался ей куда симпатичнее старого наставника Гао.

— Наставник Чжу, оказывается, куда рассудительнее и мудрее наставника Гао. Наш отец Хэ в

хороших отношениях с заместителем директора Чжоу, так что при случае я обязательно замолвлю за вас словечко перед господином Чжоу.

Цинчэнь улыбнулся, но взгляд его оставался холодным.

— Хорошо, благодарю, это очень любезно с вашей стороны.

Мать, судя по всему, уже зачислила его в ряды своих сторонников. Чжу Цинчэнь же, сохраняя вежливый тон, поинтересовался:

— Хэ Юй — ваш родной сын?

— О нет, — она прикрыла рот рукой, хихикнув. — Он сын отца Хэ, у нас повторный брак. А почему вы спрашиваете?

— Просто вы относитесь к Хэ Юю даже лучше, чем к собственному сыну.

— Правда? Другие тоже так говорят.

Женщина приняла это за комплимент и расплылась в довольной улыбке. Цинчэнь отвернулся, чувствуя глухое раздражение. Он не понимал, как можно изводить родного ребёнка, пресмыкаясь перед чужим.

«Всё ради денег, — меланхолично отозвалась Система. — Ради достатка в настоящем ей нужно угождать отцу Хэ, а ради обеспечения в будущем — заискивать перед Сяо Хэ».

Чэнь Хэсун тем временем разложил вещи, сел на место и, достав учебник, протянул его учителю. Мать Чэнь, помахав им на прощание и в очередной раз наказав сыну во всём помогать брату, удалилась с чувством выполненного долга. Громко цокая каблуками, она на ходу строчила сообщение мужу:

«Отец Хэ, всё готово! Как ты собираешься меня наградить?»

Чжу Цинчэнь в последний раз взглянул на Хэсуна. Мальчик больше не выглядел затравленным, как вчера; он едва заметно качнул головой, давая понять учителю, что всё под контролем. Наставник тоже покинул класс.

На задних партах в основном сидели приятели Хэ Юя — такие же бездельники, которые знали о его неприязни к Чэнь Хэсуну и всегда охотно участвовали в травле. Утром, когда Хэ Юй сообщил им, что отличник остаётся на второй год в их классе, они не поверили, но теперь, увидев жертву воочию, не смогли сдержаться.

— Ого, Юй-гэ, ну ты даёшь! Первый ученик одиннадцатого класса теперь у тебя в сопровождении.

— Это слишком круто!

Хэ Юй упивался этим поклонением. Ему доставляло почти физическое удовольствие чувствовать, как он втаптывает брата в грязь. Последний, впрочем, не обращал внимания на шум: он мгновенно погрузился в работу и принялся сосредоточенно читать.

Вид этой целеустремлённости раздражал Хэ Юя. Он с силой пнул стул брата.

— Я не наелся за завтраком. Сходи в столовую, купи пакет молока.

— Хорошо.

Чэнь Хэсун взял свою тетрадь для записи английских слов, прихватил карту для питания и вышел из кабинета. Приятели Хэ Юя застыли в немом восторге.

— Юй-гэ, ты лучший.

***

Юноша спустился по лестнице и направился к столовой. Проходя мимо задней стены школы, он бросил на неё внимательный взгляд. Школьные службы работали не так быстро: вероятно, камеры подключат и настроят только завтра.

***

Весть о том, что лучший ученик потока остаётся на второй год, чтобы стать помощником для младшего брата, мгновенно облетела всю школу. Бывшие одноклассники Хэсуна, не веря своим ушам, примчались к нему в класс.

— Хэсун, что происходит?

— Тебе угрожали? Только скажи нам!

Оказалось, что даже чужие люди беспокоились о нём больше, чем родная мать. Чэнь Хэсун слабо улыбнулся и покачал головой:

— Всё в порядке, я просто приболел.

— Серьёзно? И ты правда собираешься заново проходить программу одиннадцатого класса?

Вид этой толпы разозлил Хэ Юя. Он с грохотом отодвинул стол и встал.

— Расшумелись тут!

Бывшие одноклассники Хэсуна тоже закипели:

— Да ты просто мелкий соплик, который попал сюда только по блату за родительские деньги! Чего ты возомнил о себе?

— Мало того что ты вечно его травишь, так теперь ещё и на второй год заставил остаться? Ты совсем больной?

— Твои оценки ниже плинтуса, и ты решил сделать отличника своей декорацией? Урод!

Больше всего Хэ Юй ненавидел напоминания о своей неуспеваемости. Его свита тут же поднялась с мест.

— Подрались захотели?

— Давай, кто кого боится!

Чэнь Хэсун оказался в самом центре, пытаясь удержать друзей:

— Не нужно, правда. Пожалуйста, уходите.

Но его слова тонули в общем шуме; конфликт был готов взорваться дракой в любую секунду. Именно в этот момент на пороге возник Чжу Цинчэнь.

— Так, хватит. Прекратите немедленно.

Он решительно отвел своих учеников в сторону. Те кипели от негодования:

— Учитель!

Цинчэнь не ответил. Сохраняя суровое выражение лица, он обвёл тяжёлым взглядом Хэ Юя и его компанию. Тот лишь фыркнул, усаживаясь на место.

— Наставник Чжу, это ваши ученики пришли нарываться.

Проигнорировав выпад, Цинчэнь коротко кивнул Хэсуну и увёл свой класс прочь. Ребята всё ещё не могли успокоиться.

— Учитель, но они же первые начали...

— Я знаю, — Чжу Цинчэнь посмотрел на них. — Ваша смелость и преданность другу достойны похвалы.

— Тогда почему вы...

— Потому что вы выбрали неверный метод защиты, — серьёзно возразил он. — Даже если бы вы сегодня подрались и победили, какая в этом польза, кроме кратковременного удовлетворения? Подумайте сами. Чэнь Хэсуна всё равно продолжат изводить — и в классе, и дома, причём с ещё большей жестокостью. А вы? Вы уже в одиннадцатом классе. Если из-за драки получите взыскание, у вас не останется времени, чтобы его аннулировать. Это слишком высокая цена.

Ученики понемногу остывали.

— Мы виноваты.

Но непонимание осталось:

— Но что же нам тогда делать?

— Хорошо учиться, — твёрдо ответил Цинчэнь. — И доверять своему учителю.

— Вы правда решите эту проблему?

— Да, — Цинчэнь ободряюще хлопнул их по плечам. — А теперь — марш на уроки.

Видя уверенность наставника, ребята невольно поверили ему. Понутив головы, они разошлись. Чжу Цинчэнь обошёл школу, убедился, что занятия идут своим чередом, и только после этого вернулся в учительскую.

В учительской старый наставник Гао никак не мог прийти в себя. Он сидел, обхватив руками термос, словно тот был его единственным спасением. Молодые учителя суетились вокруг него.

— Успокойтесь, наставник Гао, не хватало ещё занемочь из-за этого.

— Сяо Чжу ведь сделал запись? Хэсун явно пошёл на это не по своей воле, шанс ещё есть.

Цинчэнь вошёл и тоже взялся за свой термос.

— Нужно искать другие пути.

Но наставник Гао, чем больше думал, тем сильнее распалялся. Со стуком поставив термос на стол, он вскочил:

— Нет, я пойду к директору! Сяо Чжу, ты в это не вмешивайся. Ты только начал работать, тебе нельзя подставляться, а мне скоро на пенсию, я их не боюсь!

Коллеги едва удержали его.

— И что вы там скажете? Заместитель директора Чжоу, отвечающий за работу с учениками, уже поставил подпись. Хэсун сам подтвердил, что согласен.

Видя, что старику совсем худо, учителя достали из его сумки таблетки экстренной помощи, велели положить под язык и кое-как уговорили отправиться домой отдохнуть, приставив провожатого. Уходя, Гао всё ещё бормотал, что напишет жалобу на коррупцию и произвол. Чжу Цинчэнь тяжело вздохнул.

— Ты ещё молод, — обратились к нему другие учителя. — Работаешь всего пару недель. Не вздумай лезть на рожон. Семья Хэ влиятельна, у них связи с господином Чжоу. Пока у тебя нет неопровержимых доказательств, не вступай с ними в открытый конфликт. Понял?

Цинчэнь послушно кивнул:

— Понял.

«Раз нельзя вступать в конфликт без доказательств, значит, нужно их раздобыть».

***

Жизнь Чэнь Хэсуна в одиннадцатом классе была несладкой. Хэ Юй и не думал учиться, тогда как Хэсуну приходилось не только слушать лекции и делать конспекты, но и терпеть насмешки с задних парт. Хэ Юй помыкал им как слугой, заставляя бегать по любому поручению.

Два дня спустя Хэ Юй в очередной раз пнул его стул. Ему не нужно было ничего говорить: Чэнь Хэсун молча достал карту, вышел из кабинета прямо посреди урока и направился за молоком. Спускаясь по лестнице, он продолжал повторять английские слова. У задней стены

школы он заметил рабочих, настраивавших новые камеры видеонаблюдения.

— Видно?

— Что там в дежурке на мониторах?

— Видно!

Хэсун понял: его шанс настал. Он купил в лавке молоко и вернулся в класс. Хэ Юй демонстративно засек время.

— Сегодня брат вернулся на минуту раньше.

Он забрал пакет, сделал глоток и тут же брезгливо поморщился:

— Почему со вкусом фиников?

Чэнь Хэсун, не отрываясь от решения задач, ответил:

— Другого не было.

— Но ты же знаешь, брат, что я ненавижу финиковое молоко!

— Другого не было.

— Тётя расстроится, если узнает. Тебе совсем на меня плевать.

— Другого не было.

Что бы ни говорил мучитель, Хэсун отвечал лишь этой фразой, не поднимая головы. Хэ Юй сощурился, сорвал зажим, которым юноша скреплял листы с тестами, и зацепил им пакет с молоком. В школе он не решался на открытое насилие — в прошлый раз его за это поймал наставник Гао. Но Чэнь Хэсун знал: Хэ Юй так просто не отступит. Главное действие развернётся вечером.

В тот день Чэнь Хэсун специально задержался в классе на пятнадцать минут, дописывая работу, и только потом медленно побрёл к школьным воротам. Он шел вдоль самой стены. Вскоре двое учеников нагнали его и по-хозяйски положили руки ему на плечи. Юноша не сопротивлялся. Он позволил увести себя в переулок у задней стены школы.

Там было сумрачно. Едва он вошел, как воздух рассек резкий свист, и тяжёлый удар в живот заставил его согнуться пополам. Чэнь Хэсун рухнул на землю. В глубине переулка, прислонившись к стене, стоял Хэ Юй. Он лениво затянулся сигаретой и, услышав шум, повернул голову. Хэсун, лежа на земле, тоже поднял взгляд.

Прямо над ними висела новенькая камера. Хэ Юй стоял прямо под ней; объектив наверняка запечатлел его.

— Что, Хэсун, совсем страх потерял?

— Решил, что на тебя нет управы? Юй-гэ велел купить нормальное молоко, а ты что принёс?

Подросток не шевелился. Несколько парней набросились на него, осыпая ударами. Он лишь крепче прижал рюкзак к груди, защищая голову и правую руку. Для него это были две самые ценные вещи. Тело пронзала нестерпимая боль, но он подбадривал себя.

«Ничего. Еще один раз. В последний раз. Скоро я смогу сбежать. Я защитил голову и правую руку, после этого я смогу сосредоточиться на учёбе».

Сознание юноши начало путаться, но эта мысль оставалась кристально ясной. Спустя некоторое время Хэ Юй бросил:

— Хватит с него.

Побои прекратились. Погасив сигарету, Хэ Юй подошел и присел перед братом. Чэнь Хэсун вскинул голову. Его сердце бешено колотилось — это был коктейль из застарелого ужаса перед мучителем и тайного, жгучего восторга от близящегося возмездия.

Хэ Юй достал из сумки тот самый пакет молока.

— Брат, ты живёшь за счёт семьи Хэ, ешь наш хлеб. Ты — всего лишь собака, которую я содержу. Если я велю тебе остаться на второй год — ты останешься. Если велю купить молока — купишь. И что же ты мне притащил?

Он с силой сорвал зажим и начал медленно выливать липкую жидкость на голову брата. Стояла жара, и пакет, пролежавший весь день открытым, отдавал кислым душком. Хэсун сидел, опустив голову, длинная чёлка скрывала его взгляд. Когда молоко закончилось, Хэ Юй отбросил упаковку и вдруг вскрикнул — окурок между его пальцев обжёг кожу.

Смахнув пепел, он приказал приятелям:

— Поднимите его.

Парни схватили Чэнь Хэсуна под руки и прижали к стене. Хэ Юй встал, раскуривая новую сигарету. Огонёк мерцал в полумраке. Вдоволь налюбовавшись своим творением, он отшвырнул окурочок. Земля вокруг была усеяна окурками. Стоило подручным разжать руки, как Хэсун мягко сполз вниз по стене.

— Приведёшь себя в порядок, прежде чем возвращаться домой. Ты знаешь, что сказать.

Юноша едва заметно кивнул:

— Знаю.

— Если повторится — последствия ты знаешь.

Хэ Юй напоследок похлопал его по щеке и увёл свою банду прочь.

— Знаю, — повторил Чэнь Хэсун одними губами. На его лице появилась слабая, почти неуловимая улыбка. — Повтора не будет.

Он долго приходил в себя, прежде чем смог подняться. Опираясь на стену, он подобрал рюкзак и медленно вышел из переулочка. Прохожие, увидев его в таком состоянии, в ужасе замирали.

— Мальчик! Что с тобой? Кто это сделал?

— Вот, возьми салфетку, вытри лицо.

— Сядь скорее, голова не кружится? Как же так...

— Дай номер родителей или наставника!

— Спасибо, — Чэнь Хэсун не взял салфетку. Крепко обняв рюкзак, он высвободился из рук тех, кто пытался его поддержать, и, прихрамывая, упрямо зашагал вперед.

— Я иду в полицейский участок подавать заявление.